

Ба. 54913

9/47.6
6 54913
И. Зановельский

Очерки по исторіи Бѣлоруссіи.

Отъ начала до смерти Владиміра Мономаха (1125 г.).

Б 54913
I.

Бѣлоруссія въ древности состояла изъ трехъ племенъ: *Кривичей*, *Дреговичей* и *Радимичей*¹⁾. Первые историческія свѣдѣнія, которыя мы имѣемъ объ этихъ племенахъ, застаютъ ихъ уже въ ту пору, когда общественный и гражданскій бытъ ихъ получили довольно прочную форму. Однако по лѣтописнымъ извѣстіямъ можно уяснить себѣ только нѣкоторыя черты этого строя; полное же представленіе объ общественно-бытовой жизни вышеназванныхъ племенъ, равно какъ и ихъ первоначальная исторія ускользаютъ отъ изслѣдователя за недостаткомъ данныхъ²⁾. Лѣтопись даетъ намъ лишь нѣкоторыя отрывочныя указанія и передаетъ нѣкоторыя преданія, циркулировавшія въ древне-русскомъ обществѣ, современномъ лѣтописцу.

Такъ, лѣтописецъ передаетъ одно изъ такихъ преданій о происхожденіи племени Радимичей, рассказывая, что нѣкогда два брата, Радимъ и Вятко, родомъ изъ Ляховъ, пришли на Русь и поселились тутъ: Радимъ на Сожѣ, Вятко на Окѣ; отъ нихъ, дескать, и прозвались два племени: Радимичи и Вятичи³⁾. Вышеприведенный рассказъ лѣтописи составляетъ обыкновенный пріемъ тогдашнихъ лѣтописцевъ для вывода какого нибудь народа: стоитъ только изобрѣсти „праотца“ и происхожденіе племени открыто; такой пріемъ получилъ особенное развитіе въ нѣсколько позднѣйшее время (особенно въ польской и чешской литературѣ, начиная съ XIV в.), но онъ былъ не безъизвѣстенъ и нашему лѣтописцу. Славянскія лѣтописцы уже въ X—XI в. знаютъ о праотцѣ Руси — Росѣ, о Хорватѣ, Чехѣ, Вандалѣ, праотцѣ Вандаловъ, отъ которыхъ, по ихъ рассказамъ, произошли Славяне⁴⁾. Возможно одно предположеніе, что указанное преданіе есть отголосокъ, сохраненный памятью народа, о прежнихъ передвиженіяхъ Славянскихъ племенъ. Къ тому же разряду лѣтописныхъ легендъ нужно отнести и замѣтку лѣтописца объ основаніи г. Турова: „Рогволодъ имѣяше власть въ Полотъскѣ, а Туръ въ Туровѣ, отъ негоже и Туровци прозвашася“⁵⁾; такъ какъ

Мисе Бог изг. 1880.

1) О границахъ политическихъ и этнографическихъ этихъ племенъ см. нашу статью въ „Календарѣ Сѣверо-Западнаго края“ на 1889 г. — „Краткій географическій очеркъ древней Бѣлоруссіи“ (IX—XII вв.), стр. 107—113.

2) Мы здѣсь говоримъ исключительно о племенахъ, населявшихъ въ древности Бѣлоруссію: само собою разумѣется, что общія бытвыя черты русскихъ племенъ достаточно выясняются арабскими извѣстіями и греческими (Маркій, Прокопій, Константинъ Порфирородный и др.), а также и некоторыми каза- нскими лѣтописными нашими и литературными (слово Христороубца, слово „Полку Игоревѣ“ и др.) источниками.

3) Ипатьевская лѣтопись по изд. 1871 г., р. 7. Ср. у Длугоша: Erant et tunc (послѣ рассказа о Кіѣ и его братьяхъ) Ruthenorum Ducis, unus videlicet Radzyn in flumine San, et alter Wiatka in flumine Olka (Oka) consistentes, quod de naminibus suis regionibus et populis vocabula indiderunt, a Radzyn enim Radzymieczanie a Wiathka Wiatyczanie vocati sunt, qui ad fluvium Bug considerunt (tabulis Dlugossi seu Longini Historiae Polonicae libri XII et cet. Lipsiae Anno 1740), р. 49.

4) Объ этомъ см. проф. I. Первольфа: „Славяне и ихъ взаимныя отношенія и связи“, т. II. Варшава, 1888 г.; pp. 5, 6, 103, 104, 105 и въ другихъ мѣстахъ. Ср. у Викентія Кадлубка: Primogenitus Wandalus, a quo Wandalite, qui Poloni nunc dicuntur, orti sunt (Vincentius Kadlubko et Martinus Gallus Scriptores Historiae Polonicae vetustissimi. Bibliothecae Episcopalis Heilsbergensis editi. Anno 1749), р. 1. Хроника Викентія Кадлубка относится къ концу XII и началу XIII вѣка.

5) Ипатьевская лѣтопись, р. 50. Лѣтопись, изданная Даниловъ-чешемъ, р. 101. Стрыйковскій, Хроника, т. IX, р. 124. Никоновская лѣтопись (изданіе Археогр. Ком.), т. I, р. 39.

лѣтописцы, или народныя преданія приписываютъ основаніе городовъ легендарскому лицу, давшему свое имя городу¹⁾.

Нѣсколько больше даетъ намъ свѣдѣній лѣтопись объ этнографическихъ чертахъ Кривичей и Радимичей. Такъ, она говоритъ, что Радимичи, Вятичи, Сѣверяне и Кривичи имѣли „звѣринскіе“ обычаи: жили въ лѣсахъ какъ звѣри имѣли все нечистое, срамословили предъ отцами и снохами; браковъ у нихъ не было, но на игрищахъ парни похищали себѣ дѣвицъ. О погребеніи говорится, что мертвецовъ они не погребали въ землѣ, но, положивши на костеръ, сожигали трупы; пепель ставился въ сосудахъ на распутяхъ²⁾. Въ этомъ и заключаются всѣ этнографическія свѣдѣнія, сообщенныя лѣтописью о названныхъ трехъ племенахъ. Замѣтка эта, можетъ быть, основана лѣтописцемъ на фактахъ наблюдаемыхъ еще въ его время, такъ какъ онъ прибавляетъ, что это творится „до днесъ“. Весьма возможно также, что нѣкоторыя детали этой замѣтки „звѣринскихъ обычаевъ“ и нѣсколько преувеличены поляниномъ-лѣтописцемъ сравнительно образованнымъ челоѣкомъ своего времени, свысока смотрѣвшимъ на языческія (не смотря на принятіе христіанства) племена Дреговичей, Радимичей, Кривичей и др.³⁾. Однако и эти этнографическія свѣдѣнія крайне скудны по нимъ нельзя представить болѣе или менѣе полной бытовой обстановки⁴⁾.

Гораздо важнѣе для насъ указанія лѣтописи на политическій строй древней Руси, до соединенія ея подъ властью Кіевскихъ князей.

Такъ, есть указаніе на то, что еще въ началѣ жизни Русскаго народа Дреговичи и Полочане имѣли свое княженіе⁵⁾, т.-е. управлялись самостоятельно княземъ. Что это были за князья и какова ихъ власть, мы достовѣрно не знаемъ. Но судя по другимъ извѣстіямъ нашей лѣтописи, можно, кажется, вывести заключеніе, что эти древніе князья были не больше какъ начальники и представители общинъ. Древніе Славяне жили общинами. *VIX* до соединенія

Общинная жизнь состояла въ томъ, что нѣсколько семействъ или родовъ соединялись по какимъ либо причинамъ, напримѣръ, вслѣдствіе родства или же для болѣе удобной защиты отъ непріятеля и т. д., и избирали себѣ общаго верховнаго судью, предводителя — князя; община строила городъ для болѣе безопасности, отправляла торговые караваны, а иногда и дѣлала нападенія на

1) Составитель „Очерка исторіи Турова“ (Предисловіе въ изданіи „Творенія святаго отца нашего Кирилла, епископа Туровскаго“, изд. епископа Евгенія, Кіевъ, 1880 г.) упорно держится мнѣнія о существованіи *варяжскаго* (?) князя Тура, производя это имя, по созвучію, съ варяжскими (?) именами *Турбернъ*, *Турбинъ* [въ лѣтописи иначе: *Турбридъ* (Ипат. лѣт., р. 29)], *Турдовъ*, *Турдува* (въ лѣт. *Турдува*, *ibidem*). Но, во 1-хъ, само существованіе варяжскихъ князей, въ родѣ Роговолода (не Роговолода — князя, Роговолода — по происхожденію варяга) болѣе чѣмъ сомнительно; 2) — приведенныя авторомъ созвучныя имена слышкомъ далеки отъ имени *тура*; послѣднее слово, въ видѣ названій рѣкъ, мѣстностей, селеній употребляется въ Бѣлорусіи (напр. Туровъ въ Витебской губ., рѣка Турія въ Мозырскомъ уѣздѣ и пр.). При томъ, большинство городовъ, по народнымъ преданіямъ, основано князьими и героями, давшими имъ свое имя (Кіевъ — отъ Кія); ср., напр., интересное преданіе объ основаніи Рѣжицы, Людина и Мариенгаузы („Исторія земли Варяжской Руси“, В. Лылова, Вильна, 1886 г., р. 6) и мн. др. (у Балинскаго въ сочин. „*Starożytna Polska*“, въ лѣтописяхъ и пр.).

2) Ипатская лѣтопись, р. 7; Никоновская, р. 5; „Россійская Исторія“ Татищева, кн. II, М. 1773 г., р. 8. Ср. объ этомъ интересное мѣсто у Длугоша: *Dulebiano vero et hi, qui processerant et Radzyn et Wiathko habitant more ferarum in silvis committentes omnem immunditiam pudoreque soluto, et alienis et cognatis uxoribus rapientes miscabantur* (стр. 49 указан. выше изд.).

3) Сказаніе нашей лѣтописи о „Звѣринскихъ обычаяхъ“ сравни съ извѣстіями Ибнъ-Фондлана (у Гаркови, въ „Сказаніяхъ мусульманскихъ писателей“, Аль-Бекри (изд. барона Розена) и др.

4) Мы воздерживаемся отъ описанія бытовой обстановки древне-русскихъ племенъ на основаніи общихъ свѣдѣній, сообщаемыхъ арабскими и византійскими источниками, потому что это выходитъ за предѣлы предначертанной нами статьи; хотя, конечно, племена Кривичей, Радимичей и Дреговичей, составлявшія древнюю Бѣлорусію, мало чѣмъ отличались въ общемъ.

5) Ипатская лѣтопись, стр. 5, 6; Новгородская лѣтопись (изд. 1888 г.), стр. 4.

сосѣднія племена. Такими начальниками общинъ, какъ кажется, и были упоми-
аемые лѣтописью князья древнѣйшаго періода. Эти князья, какъ во внутрен-
нихъ, такъ и во внѣшнихъ дѣлахъ сильно ограничивались властью *вѣча*, т.-е.
народнаго собранія. Вѣче состояло изъ всѣхъ взрослыхъ членовъ города; оно
выбиралось въ одномъ опредѣленномъ мѣстѣ (въ христіанскій періодъ обыкно-
венно у собора св. Софіи) и тутъ рѣшалось всѣ дѣла. Власть князя была чисто
исполнительная. О значеніи вѣча въ землѣ Дреговичей мы не имѣемъ достовѣр-
ныхъ свѣдѣній, хотя по ходу событій можно заключить, что вѣчевое начало
въ этомъ племени не успѣло еще утвердиться, какъ оно подпало подъ власть
кѣвскихъ князей, которые, разумѣется, постарались заглушить дальнѣйшее раз-
витіе его. Болѣе опредѣленные формы развитія вѣчевого начала получило въ Смо-
ленской области, гдѣ оно выдвигается на ряду съ княжеской властью.

Въ Полоцкой же области мы видимъ сильное развитіе вѣчевого начала
въ ущербъ княжеской власти. Вѣче продолжало дѣйствовать въ Полоцкѣ до
конца XV в., до 1498 г., когда этотъ городъ получилъ Магдебургское право.
Полоцкое вѣче было настолько сильно, что оно выбирало и прогоняло
князей, заключало союзы, торговые договоры и проч. Оно даже при нуждѣ,
помимо князя, вступало подъ покровительство другихъ князей, болѣе силь-
ныхъ, объявляло войны и проч. Князь даже не жилъ въ самомъ городѣ, но
недалеко отъ него въ селеніи Бѣльчицахъ, гдѣ была съ нимъ и его дружина.
Отсюда Полочане приглашали князя на совѣтъ въ городъ. Вообще государствен-
ный строй Полоцка представлялъ собою народоправство, подобное Новгородскому
и Псковскому. Однако князья послѣднихъ находились сравнительно въ лучшихъ
условіяхъ, чѣмъ Полоцкіе. Новгородцы выбирали себѣ князей изъ всего рода
Ярославова; въ случаѣ какихъ либо обидъ со стороны Новгородцевъ, князья
всегда могли найти себѣ защитниковъ въ великомъ князѣ и въ своихъ родичахъ;
кромѣ того, бросая столъ въ Новгородѣ, они переходили въ свои прежніе удѣлы
и, если теряли отъ этой перемѣны, то немного. Не то было съ Полоцкими
князьями; они были совершенно отдѣлены отъ остальной Руси, защиты искать
было не у кого, удѣловъ тоже; если они теряли столъ въ Полоцкой области,
то они должны были скитаться безъ княженія въ чужихъ земляхъ. Полоцкіе
князья даже и въ матеріальномъ отношеніи находились въ сильной зависимости
отъ вѣча. Такимъ образомъ Полоцкое вѣче имѣло всѣ выгоды для своего развитія
и поддержанія своего значенія. Отъ Полоцка, какъ главнаго города обширной
области, зависѣли мелкіе города этой области или пригороды, каковыми были
Минскъ, Борисовъ, Друцкъ, Стрѣжевъ, Усвяты, Изяславль, Витебскъ, и друг. Во
внутреннихъ дѣлахъ эти пригороды были самостоятельны, но во внѣшней по-
литикѣ зависѣли отъ главнаго города.

Первая эпоха исторіи Руси характеризуется тѣмъ, что первые кѣвскіе
князья постепенно покоряютъ сосѣднія славянскія племена; подчиненіе этихъ
племенъ заключалось въ томъ, что они платили кѣвскому князю дань деньгами
или естественными произведеніями своей страны ¹⁾; кромѣ того подчиненныя пле-
мена участвовали въ походахъ князей. Во внутреннемъ управленіи племена оста-
вались самостоятельны, управлялись князьями и вѣчемъ. Только впоследствии,
съ усиленіемъ власти кѣвскаго князя, послѣдній сталъ посылать въ подчиненные
большіе города своихъ сыновей, а въ незначительные — посадниковъ.

¹⁾ Ипатская лѣтопись, стр. 13, 14.

Въ половинѣ IX вѣка, т.-е. до установленія прочной государственности въ Кіевѣ, русскія племена платили дань могущественнымъ сосѣдямъ. Такъ, Кривичи подчинены были Варягамъ ¹⁾, платили имъ дань и даже управлялись имъ. Но около 860 года, когда власть нормановъ сдѣлалась для нихъ невыносимой вследствие жестокости, они возстали противъ нихъ и изгнали за море ²⁾.

Полоцкъ въ это время, очевидно, былъ въ зависимости отъ Новгорода. Это предположеніе подтверждается тѣмъ, что послѣ призванія въ Новгородъ кривичей, эти послѣдніе послали въ Полоцкъ править своего мужа ³⁾. Другая часть Кривичей, именно Изборскіе, сами участвовали въ призваніи Рюрика.

Дреговичи, какъ племя далеко лежавшее отъ сильныхъ сосѣдей Хазаръ и Варяговъ, не было въ зависимости ни отъ одного изъ нихъ, по крайней мѣрѣ лѣтописи не упоминаютъ объ этомъ.

Восточныя русскія племена, между ними и Радимичи, платили дань могущественнымъ Хазарамъ. Въ 885 году Олегъ послалъ къ Радимичамъ спросить кому они дань платятъ. Тѣ отвѣтили, что даютъ Хазарамъ по щелягу отъ сохы. На предложеніе олеговыхъ пословъ платить ему дань, Радимичи согласились и дали ту-же дань Олегу ⁴⁾. Вообще русскія племена охотно покорились Кіевскимъ князьямъ: очевидно, зависимость отъ этихъ послѣднихъ была для нихъ выгоднѣе. Кіевскіе князья находились гораздо ближе и слѣдовательно могли скорѣе, въ случаѣ опасности, придти на помощь. Олегъ первый соединилъ по своей власти почти все племена. Когда покорились ему Дреговичи, лѣтописи не упоминаетъ, но вѣроятно подчиненіе ихъ было добровольное, такъ какъ въ сопротивленіяхъ она всегда упоминаетъ. Часть Кривичей уже была подчинена Смоленскіе Кривичи въ 882 г. получили отъ Олега „мужа“, т.-е. подчинились ему; это подчиненіе произошло безъ сопротивленія, Олегъ просто „присоединилъ“ Смоленскъ ⁵⁾. Неизвѣстно только, оставилъ ли Олегъ своего мужа въ качествѣ посадника, т.-е. правителя, или же для соблюденія въ этой области своихъ интересовъ, для наблюденія за сборомъ дани, вирь и т. д. Олегъ впервые обложилъ Кривичей опредѣленною данью ⁶⁾ и ограничился только правильнымъ распределеніемъ ея, не касаясь внутренняго управленія; по извѣстію лѣтописи въ Полоцкѣ, Любечѣ, Ростовѣ, Черниговѣ, Переяславлѣ, и въ „прочихъ градѣхъ“ были князья *подъ Оломъ сущіе* ⁷⁾.

Мы уже замѣтили, что подчиненныя племена должны были поставлять князю вспомогательныя войска. Вследствие этого мы встрѣчаемъ Кривичей, Радимичей и Дреговичей вмѣстѣ съ князьями въ ихъ походахъ. Такъ въ 907 г. Радимичи и Кривичи ходили съ Олегомъ въ Грецію ⁸⁾. Кривичи ходили съ Игоремъ туда же въ 944 г. ⁹⁾. За участіе въ походѣ они получали часть добычи, причемъ добыча давалась не отдѣльнымъ участникамъ, но городамъ ¹⁰⁾.

1) Ипатская лѣтопись, стр. 11; лѣтопись Даниловича, стр. 81.

2) Лѣтопись Даниловича, страница 82; Новгородская лѣтопись, страница 4; Ипатская лѣтопись, страница 11.

3) Ипатская лѣтопись, стр. 11.

4) Ипатская лѣтопись, стр. 14.

5) Ипатская лѣтопись, стр. 13.

6) Новгородская лѣтопись, стр. 6.

7) Ипатская лѣтопись, стр. 18.

8) Ипатская лѣтопись, стр. 17; тамъ же стр. 13.

9) Ипатская лѣтопись, стр. 28.

10) Ипатская лѣтопись, стр. 18.

Во время княженія Владимира св. въ Новгородѣ, т.-е. около 980 г., въ По-
 оцкѣ княжилъ *Рогволодъ*.

Когда началась война между Ярополкомъ и Владиміромъ Святославичами
 изъ-за кievскаго княженія, *Рогволодъ* сталъ въ весьма выгодное, относительно
 боихъ спорящихъ князей, положеніе. Владѣя обширнымъ и сильнымъ княже-
 твомъ, которое притомъ находилось почти на дорогѣ изъ Новгорода въ Кіевъ,
 нѣ своимъ участіемъ въ войнѣ могъ значительно увеличить силу своего союз-
 ника и ослабить противника. Это поняли молодые князья и оба стали добиваться
 заключить, скорѣе, до начала войны, союзъ съ Рогволодомъ. Самымъ естествен-
 нымъ закрѣпленіемъ политическаго союза было, конечно, родство. Поэтому оба
 князя, Ярополкъ и Владиміръ, пожелали вступить въ бракъ съ молодой и пре-
 расной Рогнѣдой, дочерью Рогволода.

Молодые князья почти въ одно время сдѣлали предложеніе о бракѣ Рогволоду.
 Послѣдній, очевидно, не рѣшался, съ кѣмъ союзъ ему выгоднѣе заключить, обра-
 тился къ дочери съ вопросомъ, какого изъ двухъ сватающихся князей она хочетъ
 избрать себѣ мужемъ. Гордая княжна, зная, что Владиміръ Святославичъ имѣлъ
 мать рабыню, ключницу Ольги, отвергла предложеніе молодого князя, сказавъ:
 „Не хочу разуть рабнича, а за Ярополка иду!“ Такое рѣшеніе, можетъ быть,
 вполне согласовалось съ планами отца, который, передавъ отказъ дочери Влади-
 міру, могъ надѣяться ослабить месть Владиміра.

Бракъ Ярополка съ Рогнѣдой равнялся союзу его съ Рогволодомъ, что
 значительно должно бы было увеличить силы его. Поэтому Владиміръ, съ дядей
 своимъ Добрыней, не медля рѣшились предупредить грозившую имъ опасность
 этого союза, и въ 980 г. двинулись съ новгородскими и варяжскими войсками
 къ Полоцку. Городъ былъ взятъ и преданъ разграбленію, Рогволодъ и его два
 сына убиты, а Рогнѣду Владиміръ взялъ себѣ въ жены⁴⁾.

4) [Ипатская лѣтопись, стр. 50; Стрыйковскій (изд. Даниловича), стр. 124]. Однако недолго Вла-
 диміръ жилъ въ согласіи съ своею женою. Она ему скоро надоѣла и онъ поселилъ ее близъ Кіева, на рѣчкѣ
 Либеди, гдѣ еще въ XII вѣкѣ было село Предславино. (П. С. Р. Л. Т. XV, 73). Романическая судьба
 Рогнѣды подала поводъ еще въ древности къ различнымъ разсказамъ про нее, посвящимъ на себѣ легендар-
 ный отпечатокъ. Такъ лѣтопись разсказываетъ, что послѣ удаленія Рогнѣды въ Предславино, Владиміръ
 однажды заѣхалъ къ ней и заснулъ. Воспользовавшись рѣдкимъ удобнымъ случаемъ Рогнѣда задумала ото-
 мстить князю за собственное оскорбленіе и за гибель отца и братьевъ. Она рѣшилась исполнить священ-
 ный для каждаго славянина долгъ мести. Взвѣсивъ месть она уже замахнулась надъ головою спящаго князя,
 когда тотъ проснулся и успѣлъ отклонить ударъ. Владиміръ рѣшилъ торжественно казнить каварную супругу
 и велѣлъ ей нарядиться въ лучшее платье. Когда онъ вышелъ, Рогнѣда призвала маленькаго сына своего
 Изяслава и научила его что дѣлать. Когда вошелъ Владиміръ для казни, Изяславъ, взявъ въ руки мечъ,
 сказалъ: „Ты не одинъ здѣсь, отецъ!“ Мечъ выпалъ изъ рукъ удивленнаго Владиміра: „Кто-жъ знаетъ, что
 ты здѣсь“, сказалъ онъ. Послѣ этого князь созвалъ на совѣтъ бояръ. Тѣ просили князя не казнить Рогнѣду,
 но отправить ее съ сыномъ въ ихъ наследственный удѣлъ Полоцкъ, отдавъ его имъ въ управленіе. Князь
 согласился, отправилъ жену и сына въ Полоцкую область (Лаврент. 284, 285). Лѣтопись сохранила намъ
 еще одно преданіе о Рогнѣдѣ. Она говоритъ, что когда Владиміръ принялъ христіанство, то послалъ ска-
 зать Рогнѣдѣ: „Я теперь крестился, и по закону могу имѣть только одну жену; поэтому ты можешь вы-
 брать себѣ въ мужа какогонибудь боярина“. Гордая полочанка велѣла отвѣтить князю: „Ты хочешь по-
 лучить земное и небесное царство, а у меня отнимаешь даже и это послѣднее; будучи царицей, не хочу
 быть рабой и приму монашество“. Лѣтописецъ добавляетъ, что сынъ ее Ярославъ, сидѣвшій въ это время,
 такъ какъ отъ природы не могъ ходить, сказалъ: „Дѣйствительно ты царица надъ царицами, такъ какъ не
 захотѣла замѣнить нынѣшнюю славою славою будущаго вѣка и не захотѣла снизойти съ высоты своего поло-
 женія“. Ярославъ всталъ и началъ ходить съ этого времени. Она постриглась подъ именемъ Анастасіи.
 (С. Р. Л. т. XV, стр. 113). Разумѣется послѣдній разсказъ, во всей его полнотѣ, не правдоподобенъ, въ
 особенности вставка о Ярославіи есть преданіе благочестивыхъ монаховъ. Однако фактъ постриженія Рог-

Покончивши съ Полоцкомъ, Владиміръ отправился къ Кіеву, гдѣ осадил Ярополка. Потомъ заманивши его въ Родно, онъ убилъ брата при помощи измѣнника Блуда ¹⁾).

У Владиміра отъ Рогнѣды было 4 сына: Изяславъ, Ярославъ, Мстиславъ Всеволоды и 2 дочери ²⁾).

Владиміръ Святославичъ совершенно выдѣлилъ Изяславу и его потомствѣ Полоцкую область, такъ что она впослѣдствіи составила совершенно отдѣльное независимое княжество. Изяславъ княжилъ въ Полоцкѣ до 1001 г., слѣдовательно только на одинъ годъ пережилъ свою мать. Источники не сохранили намъ никакихъ извѣстій о событіяхъ во время его княженія. Однако при немъ произошло одно изъ важнѣйшихъ событій въ исторіи Руси — принятіе христіанства. Какъ распространилось христіанство въ Полоцкой области, мы не знаемъ. Но судя по тому, что есть извѣстіе о принятіи Рогнѣдою, матерью Изяслава, монашества ³⁾ можно думать, что и князь этотъ, находясь подъ ея вліяніемъ, былъ усерднымъ христіаниномъ и старался о распространеніи новой вѣры въ своей области. Одно лѣтописъ такъ описываетъ его: князь этотъ былъ тихъ, кротокъ, смиренъ и милостивъ, весьма любилъ и уважалъ священнической и иноческой санъ, прилежно читалъ священное писаніе, отвращался отъ суетныхъ глумленій, и былъ долготерпѣливъ ⁴⁾).

Изяславъ оставилъ послѣ себя двухъ сыновей: *Брячислава* и *Всеслава*; послѣдній умеръ вслѣдъ за отцомъ въ 1003 году.

Какъ распространялось христіанство въ земляхъ Дреговичей и Радимичей — мы не знаемъ. Вообще за это время о нихъ нѣтъ и упоминаній въ лѣтописи. Сохранилась только одна замѣтка о возстаніи Радимичей. Именно въ 984 году это племя возстало, можетъ быть вслѣдствіе притѣсненій отъ княжескихъ намѣстниковъ; Владиміръ отправился на нихъ, но впередъ выслалъ своего воеводу Волчій Хвостъ, который на рѣчкѣ Пищанѣ разбилъ Радимичей. Слѣдующая поръ, прибавляетъ лѣтописецъ, пошла насмѣшка: „Пищанцы волчья хвоста боятсѣ“ ⁵⁾).

Вотъ всѣ извѣстія, которыя даютъ намъ лѣтописи за это время, т. е. до смерти Владиміра, который умеръ въ 1015 году. Онъ при своей смерти или еще раньше раздѣлилъ русскія земли между своими сыновьями, причемъ древніе бѣлорусскія земли достались: *Туровская область* — *Святополку*, — *Смоленскъ* — *Станиславу*, который вскорѣ умеръ и Полоцкъ, какъ уже было сказано, *Изяславу* ⁶⁾).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ христіанство на Руси, въ особенности въ большихъ городахъ было распространено и до официального принятія его Владиміромъ, а слѣдовательно она могла быть приотворена къ монашеству. Рогнѣда умерла въ 1000 году.

Память о Рогнѣдѣ надолго осталась въ народѣ, который за ея несчастьемъ назвалъ ее *Гориславою*. Даже и теперь въ Витебской губ. на границахъ съ Минской народъ называетъ курганы и городища именемъ Рогнѣды, при чемъ смутно передаются о ней разказы. (Витебскія древности, Семеновскаго). Память о ней хранится и въ др. мѣстахъ, какъ напр. около мѣст. Заслава (др. Изяслави) Минской губ. (см. „Сѣверно-Западный Календаръ“ 1888 г.).

¹⁾ Ипатская лѣтописъ, стр. 51.

²⁾ Новгородская лѣтописъ, стр. 30.

³⁾ П. С. Р. Л. т. XV, стр. 113. См. предыдущ. вып. Впрочемъ, какъ приведенная характеристика Изяслава, такъ и извѣстіе о принятіи Рогнѣдою монашества находится въ позднѣйшихъ спискахъ и потому въ подлинности ихъ можно сомнѣваться.

⁴⁾ Никоновская лѣтописъ (П. С. Р. Л. т. IX), стр. 68.

⁵⁾ Ипатская лѣтописъ, стр. 55—56; Новгородская лѣтописъ, стр. 33.

⁶⁾ Ипатская лѣтописъ, стр. 83; Лаврентьевская лѣтописъ, стр. 118. Упоминаніе о Станиславѣ Смоленскомъ находится лишь въ позднѣйшихъ спискахъ нашихъ лѣтописей: Тверская (П. С. Р. Л. т. XV, стр. 113) Никоновская (П. С. Р. Л. т. IX, стр. 57), лѣтописъ Даниловича, стр. 109; Стрыйковскій, стр. 152.

Такимъ образомъ по смерти Владиміра древнія бѣлорусскія области раздѣлены были на три княжества: *Туровской, Полоцкое* и *Смоленское*. Однако о княженіи Станислава въ Смоленскѣ мы ничего не знаемъ, да и вообще этотъ городъ, какъ самостоятельный удѣлъ, выступаетъ гораздо позже. Это и видно изъ Святополкъ Владиміровичъ началъ княжить въ Туровѣ еще при жизни отца. Онъ былъ одинъ изъ старшихъ сыновей Владиміра, родившійся около 981 г. отъ какой то гречанки, которая прежде была женою Ярополка. Святополкъ Владиміровичъ отличался необыкновенною энергіею; къ этимъ качествамъ присоединился отважный, предприимчивый и дальновидный умъ. Еще при жизни отца, онъ хотѣлъ сдѣлаться самостоятельнымъ независимымъ княземъ, а можетъ быть и завладѣть даже Кіевскимъ столомъ, чего онъ надѣялся достигнуть съ помощью Польскаго короля Болеслава, на дочери котораго былъ женатъ. Когда Болеславъ отправлялъ въ Туровъ свою дочь, онъ туда же послалъ вмѣстѣ съ нею епископа Колобрежскаго Рейнберна. Цѣль миссіи этого епископа въ точности неизвѣстна, однакожь несомнѣнно то, что онъ въ Туровѣ занимался миссіонерствомъ. Въ землѣ Дреговичей, очевидно, еще было много язычниковъ и потому Рейнберну пришлось разрушать идольскія капища, сжигать ихъ и насаждать растенія новой вѣры. Разумѣется, Рейнбернъ дѣйствовалъ въ пользу Римскаго папы, что не могло нравиться греческому духовенству и тѣсно съ нимъ соединенному князю Владиміру.

VI
Однако дѣятельность Рейнберна не ограничивалась однимъ миссіонерствомъ. Онъ вмѣстѣ съ Святополкомъ составилъ заговоръ противъ Владиміра, причѣмъ къ этому сильно побуждалъ Болеславъ. Когда заговоръ открылся, Рейнбернъ былъ вмѣстѣ съ Святополкомъ и его женою схваченъ и посаженъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ, пренебрегая угрозами Владиміра¹⁾. Мѣсто заключенія ихъ, вѣроятно, былъ Кіевъ. Однако передъ смертью Владиміръ простилъ сына, но не возвратилъ ему волости, а держалъ при себѣ въ Кіевѣ. Когда во время сборовъ въ походъ на своего сына Ярослава, Новгородскаго князя, Владиміръ скончался въ 1015 году, Святополкъ, находившійся въ то время въ Кіевѣ, задумалъ немедленно воспользоваться обстоятельствами и выполнить свою завѣтную мысль — завладѣть Русью. Много обстоятельствъ благоприятствовали ему въ его намѣреніи. Онъ за время своего пребыванія въ Кіевѣ успѣлъ приобрести здѣсь себѣ сильную партію, да и не въ одномъ только Кіевѣ: за него стояли Вышгородцы и Туровцы, а можетъ быть и другіе города. Кіевляне уже знали Святополка, видѣли въ немъ своего князя, и охотно помогали противъ неизвѣстнаго имъ Новгородскаго князя Ярослава. Кіевляне, разумѣется, понимали, что съ приходомъ Ярослава, придуть и его бояре и дружина, которые стануть выше кіевскихъ бояръ и дружины и тѣмъ уменьшать значеніе самого Кіева.

Святополкъ немедленно задумалъ грандіозное предпріятіе: избить всѣхъ братьевъ и самому соединить въ своихъ рукахъ всю Русь. Съ этою цѣлью онъ скрылъ смерть отца отъ своихъ братьевъ. Онъ уже успѣлъ отдѣлаться отъ

1) См. Хронику Титмара въ Monumenta Poloniae Historica. W. A. Bielowski, t. I, Lw., 1864 г., p. 310.

Бориса и Глѣба и Святослава, какъ съ сѣвера наступалъ на него могущественный и не менѣе предприимчивый и энергичный Ярославъ. Борьба, въ которой Святополку помогалъ Болеславъ Храбрый, кончилась для Туровскаго князя тѣмъ, что онъ былъ окончательно разбитъ Ярославомъ, бѣжалъ и потомъ умеръ.

Утвердившись окончательно на Киевскомъ столѣ, Ярославъ тѣмъ не менѣе не покончилъ еще со всѣми своими братьями: въ отдаленной Тмутаракани сидѣлъ храбрый и отважный Мстиславъ, извѣстный своими побѣдами надъ кавказскимъ народами; въ Полоцкѣ сидѣлъ Брячиславъ Изяславичъ. Они могли быть довольно усиленіемъ Ярослава и могли потребовать и себѣ увеличеніе надѣловъ. Такъ оно и случилось.

Брячиславъ Изяславичъ скоро заявилъ свое требованіе на Русскую землю. Въ 1021 году онъ напалъ на Новгородъ, взялъ въ плѣнъ множество гражданъ, награбилъ сокровищъ и поспѣшилъ въ свои владѣнія. Но извѣщенный объ этомъ Ярославъ предупредилъ его; черезъ 7 дней онъ встрѣтилъ Брячислава на рѣчкѣ Судомири, разбилъ на голову и отнялъ плѣнныхъ и награбленную сокровища. Однако Ярославъ не преслѣдовалъ далѣе своего племянника, напротивъ, онъ самъ призвалъ его къ себѣ, заключилъ съ нимъ миръ, далъ ему еще два города Витебскъ и Усвятъ²⁾. Очевидно, Ярославъ сознавалъ правоту требованій Брячислава и притомъ боялся, что если онъ не удовлетворитъ Полоцкаго князя, то Новгородскія владѣнія будутъ подвергаться частымъ, со стороны послѣдняго нападеніямъ. Поэтому-то онъ самъ первый предложилъ миръ Брячиславу³⁾.

IV.

Брячиславъ Изяславичъ умеръ въ 1044 г., оставивъ послѣ себя сына *Всеслава*. Въ которомъ году родился Всеславъ — неизвѣстно; но эта личность произвела на народъ такое сильное впечатлѣніе, что сохранилось преданіе, будто онъ родился отъ волхвованія и что вслѣдствіе этого у него на головѣ было родимое пятно, имѣвшее особенную волшебную силу. Волхвы велѣли ему носить на головѣ повязку, прикрывавшую это пятно⁴⁾. И вообще Всеславъ слылъ сверхъестественнымъ человѣкомъ, чародѣемъ, даже и между болѣе образованными людьми тогдашняго времени. Извѣстный литературный памятникъ XII в.⁵⁾ такъ характеризуетъ Полоцкаго чародѣя: „Князь Всеславъ людямъ судъ давалъ, князьямъ города приводилъ въ порядокъ, а самъ ночью волкомъ рыскалъ: изъ Киева до плѣнія пѣтуховъ онъ добѣгалъ до Тмутаракани, волкомъ пересѣкая путь великому Хорсу (Солнцу). Въ Полоцкѣ звонять заутреню у Святой Софьи, а онъ въ Киевѣ звонъ слышитъ. Хотя и вѣщая душа въ иномъ тѣлѣ, но часто бѣды претерпѣваетъ. Ему (Все славу) вѣщій Воданъ сказалъ припѣвку (поговорку): „Ни хитру, ни горазду суда Божія не избѣгнутъ“.

1) Ипатская лѣтопись, стр. 102. — Судомиръ — притокъ Шелони. Барсовъ, Оч. ист. Георг., Варш. 1885 г., р. 23.

2) Никоновская лѣтопись, стр. 77.

3) Кромѣ того объ этой борьбѣ Скандинавскія саги передаютъ слѣдующее. Храбрый витязь Эймундъ, сынъ одного Норвежскаго короля, находился на службѣ у Ярослава Владиміровича, которому оказалъ важныя услуги въ борьбѣ его съ Святополкомъ. Но по окончаніи этой борьбы, Эймундъ разошелся съ Ярославомъ и поступилъ на службу къ Брячиславу. Однажды онъ напалъ изъ засады на жену Ярослава, фхавшую въ сопровожденіи многочисленной свиты изъ Новгорода въ Киевъ, разбилъ охранявшій ее отрядъ и плѣнилъ княгиню. Узнавъ объ этомъ Ярославъ поспѣшилъ заключить миръ съ Полоцкимъ княземъ, а послѣдній наградилъ Эймунда цѣлою областью. (Карамзинъ).

4) Ипатская лѣтопись, стр. 109.

5) Слово о Полку Игоревѣ.

Приведенный взгляд древняго поэта, вполне вѣрно, хотя своеобразно, характеризуетъ кипучую дѣятельность Всеслава: онъ былъ уменъ, хитеръ и изворотливъ, но въ то же время жизнь его сложилась такъ, что онъ многое долженъ былъ перенести, претерпѣть. Своимъ умомъ, своимъ безпокойнымъ предпримчивымъ характеромъ, этотъ князь остался надолго въ памяти народа; объ немъ начали ходить уже легенды, какъ о чародеѣ; рассказы эти, передававшіеся въ народѣ, попали въ письменные памятники — лѣтопись и Слово о Полку Игоревѣ.

Послѣ смерти Ярослава въ 1054 г., Всеславъ Брячиславичъ жилъ нѣкоторое время въ мирѣ съ Ярославичами Изяславомъ Кіевскимъ, Святославомъ и Всеволодомъ и даже принималъ участіе въ дѣлахъ всей Руси; такъ онъ ходилъ со сѣми князьями въ 1060 году на Торковъ¹⁾. Однако согласіе это скоро нарушилось; между князьями, неизвѣстно по какой причинѣ, произошелъ раздоръ. Всеславъ предпринялъ цѣлый рядъ нападеній на сѣверныя русскія области, осадилъ въ 1065 году Псковъ, хотя безуспѣшно²⁾, а въ 1066 году³⁾ подступилъ къ Новгороду и пожегъ его окрестности. Поводомъ враждебныхъ дѣйствій Всеслава, вѣроятно, послужило то, что Ярославичи, освободившись отъ изгоя Ротислава, съ которымъ они долго воевали, увеличили свои владѣнія, не прибавивъ ничего Всеславу. Какъ бы то ни было, но великій князь Кіевскій Изяславъ и его братья Святославъ и Всеволодъ, рѣшились сообща наказатъ Всеслава за нападенія. Глубокою зимою 1067 года они втроемъ, во главѣ многочисленнаго войска, отправились въ Полоцкую область. Союзники осадили Минскъ, одинъ изъ важнѣйшихъ Полоцкихъ городовъ, взяли его послѣ упорнаго сопротивленія, причемъ почти все населеніе, — мужчины, женщины и дѣти или были перебиты, или взяты въ плѣнъ. Отъ этого города они пошли далѣе и на рѣкѣ Нѣмизѣ⁴⁾ встрѣтились съ войскомъ Всеслава. 3 марта, не смотря на глубокой снѣгъ, произошла жаркая битва, въ которой Всеславъ былъ разбитъ⁵⁾. Объ этой битвѣ извѣстный авторъ Слова о Полку Игоревѣ такъ картинно говоритъ: „На Нѣмизѣ снопы стелють головами, молотять стальными цѣпами, на току жизнь кладуть, вѣютъ душу изъ тѣла. Кровавые берега Нѣмизы были усѣяны не житомъ, но костями русскихъ сыновъ“.

Послѣ этой битвы Всеславъ бѣжалъ. Союзные князья не погнались за нимъ, но направились въ восточныя части Полоцкихъ владѣній, къ Днѣпру, и остановились у Орши. Должно быть наступившая весна помѣшала продолженію военныхъ дѣйствій, такъ какъ воевали въ то время почти исключительно зимою. Сохранившись у Орши, Ярославичи въ июлѣ мѣсяцѣ призвали Всеслава для переговоровъ въ свою ставку, причемъ они цѣловали крестъ, что не сдѣлаютъ ему никакого зла. Однако, едва только явился Полоцкій князь въ станъ союзниковъ, какъ былъ схваченъ ими, скованъ и отправленъ Изяславомъ въ Кіевъ въ заточеніе⁶⁾.

Однако Всеславу Изяславичу недолго пришлось сидѣть въ заключеніи. Счастливый случай помогъ ему.

1) Ипатская лѣтопись, стр. 114; Новгородская лѣтопись, стр. 118—120; Новгородская лѣтопись, стр. 117; Новгородская лѣтопись, стр. 105; Новгородская лѣтопись, стр. 115.

2) Тверская, стр. 154; Ипатская лѣтопись, стр. 115.

3) Ипатская лѣтопись, стр. 117.

4) Положеніе Нѣмизы въ точности не определено: Вѣллевъ (вслѣдъ за Татищевымъ и Арцыбашевымъ) отождествляетъ ее съ Нѣманомъ (О геогр. свѣд. въ древ. Россіи. Зап. И. Р. Геогр. Общ., кн. VI, 52 г., стр. 165), Барсовъ указываетъ на ручей Нѣмиза, проходящій черезъ Минскъ (Геогр. словарь), Погодинъ же думаетъ, что Нѣмиза должна находиться между Минскомъ и Смоленскомъ (Исслѣдованія и пр. т. IV, стр. 304—306). Мнѣніе Погодина заимствовалъ Турчиновичъ (См. Об. Ист. Вѣлор., стр. 257—259, въ прим.).

5) Ипатская, стр. 177; Новгородская, стр. 97; Никоновская, стр. 98.

6) Ibidem.

Въ это время Половцы напали на южную Русь, разбили вышедших им на встрѣчу Ярославичей и начали разграблять и жечь Русскую землю. Когда великій князь Изяславъ возвратился послѣ пораженія въ Кіевѣ, кіевляне возстали. Они потребовали отъ князя выдачи имъ оружія, чтобы они могли пойти оборонять Русскую землю. Изяславъ отказалъ жителямъ. Жители взбунтовались. Частен ихъ вошла на княжескій дворъ и стала спорить съ Изяславомъ, который въ это время сидѣлъ на сѣняхъ съ своею дружиною и говорилъ съ гражданами черезъ окно, а другая часть направилась въ тюрьмы и выпустила заключенныхъ, которые увеличили недовольную толпу. Дружина совѣтывала князю послать стеречь по крѣпче Всеслава, даже убить его, но онъ ни на что не соглашался. Тогда народъ хлынулъ къ тюрьмѣ, гдѣ заключенъ былъ Всеславъ, освободилъ его и привелъ къ княжескій дворъ. Изяславъ бѣжалъ съ своими приверженцами и сыномъ Мстиславомъ, а Всеславъ былъ избранъ Кіевскимъ княземъ.

Изяславъ Ярославичъ бѣжалъ къ Польскому королю Болеславу, своему родственнику. Здѣсь онъ соединился съ королемъ и оба пошли войною на Кіевъ и Всеслава. Изяславъ былъ нелюбимъ кіевлянами и потому они всѣ вышли противъ него подъ предводительствомъ Всеслава. Однако послѣдній не надѣялся на устойчивость и силу кіевлянъ, притомъ не видѣлъ возможности долго удержаться на кіевскомъ столѣ, а потому, улучивъ удобный случай, убѣжалъ съ похода изъ-подъ Бѣлгорода къ себѣ въ Полоцкъ, предоставивъ кіевлянъ самимъ себѣ. Онъ прокняжилъ въ Кіевѣ 7 мѣсяцевъ¹⁾.

Расправившись съ кіевлянами, Изяславъ немедленно направился преслѣдовать своего врага Полоцкаго князя. Онъ изгналъ его изъ Полоцка и посадилъ тамъ сына своего Мстислава. Послѣдній скоро тамъ умеръ и на его мѣсто сѣлъ другой Изяславичъ — Святополкъ²⁾. Изгнанный Всеславъ Брючиславичъ бѣжалъ на северъ къ Финскому племени Води. Здѣсь онъ собралъ войско и снова началъ свое нападеніе на Новгородъ. Въ томъ же 1069 году онъ напалъ на Новгородцевъ но тѣ подъ предводительствомъ своего князя Глѣба Святославича разбили его въ Гзенѣ³⁾ у самаго Новгорода.

Однако храбрый Всеславъ не думалъ унывать. Онъ снова собралъ войско и въ 1071 году напалъ на Полоцкъ и выгналъ оттуда Святополка. Тогда Изяславъ послалъ на помощь послѣднему другому своему сыну Ярополка, который и разбилъ полочанъ въ битвѣ у Гологическа⁴⁾. Не смотря на это Полоцкій столъ остался за Всеславомъ, послѣ многихъ лѣтъ упорной и несчастной борьбы.

Во все время княженія Святослава въ Кіевѣ, Всеславъ сидѣлъ спокойно. Но какъ только умеръ Святославъ (1076 г.), начались снова непрерывныя войны между Всеславомъ и Кіевскими князьями. Прежде всего подвергнулся нападенію Новгородъ, гдѣ княжилъ Глѣбъ, къ которому ходилъ на помощь Владиміръ Мономахъ. Въ отмщеніе за этотъ набѣгъ Владиміръ сдѣлалъ два похода на Полоцкъ: лѣ

1) Ипатская лѣтопись, стр. 119—120; Новгородская лѣтопись, стр. 103; Лѣтопись Даниловича стр. 117; Никоновская лѣтопись, стр. 105; Стрыйковского, стр. 165; Лаврентьевская лѣтопись, стр. 16. Вотъ какими поэтическими красками рисуется это событіе изъ жизни Всеслава Слово о Полку Игоревѣ: "Тѣй (Всеславъ) клюками подирься о кони, и скочи къ граду Кіеву, и дочтеса стружемъ злата столу Кіевскаго. Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ къ пльночи изъ Бѣлграда, обѣсиа синѣ мгыль, утрѣже воззстрикусъ (стѣннобитныя орудія), отвори врата Новуграду, разшибе славу Ярославу, скочи влькомъ до Нмигнъ съ Дудутовки".

2) Ипатская лѣтопись, стр. 122; Новгородская лѣтопись, стр. 104; Лаврентьевская лѣт., стр. 169.

3) Никоновская лѣтопись, стр. 96; Новгородская лѣтопись, стр. 103.

4) Ипатская лѣтопись, стр. 122; Лаврентьевская лѣтопись, стр. 169. — Положеніе въ точности извѣстно; см. Погодинъ, р. 306, Вѣляевъ, р. 12, Барсовъ (Очерки — р. 187) и Словарь — 52.

имомъ съ отцомъ своимъ Всеволодомъ, а зимою съ Святополкомъ, который тогда уже княжилъ въ Новгородѣ. Въ этотъ походъ князя пожгли предмѣстья самого города и кромѣ того, Владиміръ разорилъ съ Половцами всю страну до Одрска¹⁾. Всеславъ при первомъ удобномъ случаѣ въ свою очередь напалъ на Смоленскъ, владѣнія Мономаха, воспользовавшись отсутствіемъ послѣдняго. Получивъ въ Черниговѣ вѣсть о нападеніи, Владиміръ немедленно поскакалъ съ дружиною въ Смоленску, но не засталъ тамъ Всеслава. Тогда онъ направился въ Полоцкую землю и пожегъ города: Лукомль, Логойскъ и Друцкъ²⁾.

Но Всеславъ, очевидно, и этого не оставилъ безъ отмщенія. По крайней мѣрѣ въ слѣдующемъ году Владиміръ принужденъ былъ снова направиться на Полоцкую область. Онъ собралъ огромное ополченіе изъ Половцевъ, Черниговцевъ и Читѣвцевъ и направился къ Минску. Они взяли городъ и поступили съ нимъ крайне жестоко: не оставили ни челядина (раба), ни скотины, все разграбили, пожгли³⁾.

Кажется, на этомъ походѣ и закончилась борьба Всеслава Брячиславича съ Ярославичами. По крайней мѣрѣ лѣтописи ничего не упоминаютъ. Впрочемъ знаменитый чародѣй былъ уже слишкомъ старъ и, вѣроятно, совершенно успокоился подъ конецъ своей бурной жизни. Онъ умеръ въ 1101 г., прокняживъ 57 л.

При Всеславѣ Брячиславичѣ Полоцкое княжество достигло высшихъ предѣловъ своего процвѣтанія; ни до него, ни послѣ него оно не было такъ велико и сильно, какъ въ его время. Крѣпость и сила княжества увеличивались особенно тѣмъ, что оно находилось въ рукахъ одного князя. Возвышеніемъ своимъ Полоцкъ вполнѣ обязанъ уму и энергіи Всеслава. Послѣ него Полоцкое княжество начинаетъ падать. Оно раздѣляется на множество мелкихъ самостоятельныхъ удѣловъ, которые часто спорятъ между собою. Первое начало удѣльному порядку въ Полоцкѣ положили самъ Всеславъ, раздѣливъ все княжество между своими 6-ю сыновьями.

V.

Со смертію Ярослава Великаго въ 1054 г. вся Русская земля дѣлится на почти независимыя княжества или удѣлы. Внѣшняя сущность удѣльной системы состояла въ томъ, что болѣе или менѣе значительный племенной центральный городъ получалъ или принималъ къ себѣ князя, который оставался вполнѣ независимымъ въ дѣлахъ внутреннихъ, а во внѣшнихъ дѣлахъ болѣе или менѣе зависимымъ, смотря по величинѣ и значенію управляемаго имъ удѣла. Собственно удѣльный строй древне-русскаго государства существовалъ еще до Ярослава. Такъ по смерти Святослава Игоревича Владиміръ сдѣлался единовластителемъ Руси только послѣ долгой и упорной борьбы съ братомъ Ярополкомъ. Ярославъ Владиміровичъ долженъ былъ также бороться съ братомъ Святополкомъ, заключить другого брата Судислава Псковскаго въ темницу, и владѣть долгое время Русью вмѣстѣ съ братомъ Мстиславомъ Тмутараканскимъ до самой смерти послѣдняго въ 1034 г. Только тогда Ярославъ сдѣлался единовластцемъ Русской земли. Изъ этого видно, что обычай раздѣленія Руси на удѣлы существовалъ еще гораздо раньше Яро-

1) Лаврентьевская лѣтопись, стр. 239. — Одрскъ на р. Одрѣ въ Коньскомъ уѣздѣ, Могил. губ. Въливъ, стр. 18.

2) Лаврентьевская лѣтопись, стр. 239. — Лукомль — мѣст. Сѣнн. у., Могилевской губ., Друцъ — селеніе на р. Друти Могил. у., Логойскъ — мѣст. Минской губ.

3) Ibidem.

слава. Однако со смертію послѣдняго его потомство настолько размножилось, что уже на много столѣтій раздѣлило Русь на удѣлы. Самъ Ярославъ оставилъ 5 сыновей, и притомъ еще въ Полоцкѣ княжила независимая отъ него линія Изяславичей.

Не смотря на довольно высокое состояніе русской исторической науки, сущность и значеніе удѣльнаго періода еще далеко не выяснена историками. Являлось много теорій по этому вопросу, но ни одна изъ нихъ не обхватываетъ вполне сущности этой эпохи, обращая вниманіе то на ту, то на другую сторону ея.

Не говоря уже о вполне отжившей теоріи Карамзина и его предшественниковъ, которые видѣли въ надѣленіи великимъ княземъ сыновей своихъ волостями, — отеческую любовь и попеченіе о дѣтяхъ, считаемъ необходимымъ упомянуть о болѣе выдающихся мнѣніяхъ по этому вопросу. Такіе авторитетные ученые, какъ М. С. Соловьевъ и Кавелинъ, признаютъ, что удѣлы произошли отъ раздачъ русскихъ земель великимъ княземъ, какъ родоначальникомъ княжескаго семейства.

и что слѣдовательно вся Русская земля представляла общее родовое владѣніе княжескаго дома, а борьба князей между собою — борьбою за княжескіе родовые

счета. Далѣе, есть теорія, которая видитъ въ удѣльно-вѣчевомъ строѣ этнографическое дѣленіе Руси по племенамъ и слѣдовательно борьбу князей объясняетъ племенной борьбой народностей. Это мнѣніе впервые было выяснено Костомаровымъ. Наконецъ, есть еще довольно важное мнѣніе Сергѣевича, который видитъ въ удѣльно-вѣчевомъ складѣ — договорное начало между княземъ и народнымъ вѣчемъ.

Здѣсь не мѣсто входить въ болѣе подробное изслѣдованіе этихъ теорій, не мѣсто также вести съ ними полемику. Но намъ, однако, кажется, по нашему крайнему разумѣнію, — что ни одно изъ этихъ мнѣній неудовлетворительно.

Дѣло въ томъ, что каждая теорія рассматриваетъ совокупность не всѣхъ явленій народной жизни даннаго времени, но предпочтительно избираетъ одну группу фактовъ, которая кажется ей важнѣе, справедливѣе, и на нихъ строитъ свои выводы; тѣ же изъ фактовъ, которые не подходятъ подъ данную группировку, стараются объяснить какими либо натяжками или прямо считать исключеніемъ.

Обращаясь къ фактамъ удѣльно-вѣчоваго періода Русской исторіи, мы замечаемъ три крупныя явленія: 1) проявленіе и развитіе племенной жизни народностей, составлявшихъ тогдашнюю Русь, 2) борьбу князей и 3) сліяніе княжескихъ интересовъ съ интересами земства.

Племена, составлявшія древнюю Русь, должны были различаться другъ отъ друга многими этнографическими особенностями, выражавшимися въ различныхъ мѣстныхъ говорахъ, обычаяхъ, обрядахъ, особенностяхъ религиозныхъ, въ различной степени культуры, въ различіи торговыхъ интересовъ, даже, можетъ быть, въ такихъ мелочахъ какъ одежда, способъ и приемы охоты и т. п. Какъ не велики покажутся намъ эти особенности, но они имѣли вліяніе на разрозненность племени, въ особенности, если обратимъ вниманіе на то, что огромныя пространства, непроходимые лѣса и болота и притомъ недовѣрчивое, подозрительное отношеніе одного племени къ другому, черта свойственная вообще мало-образованнымъ народамъ, постоянно препятствовали близкому знакомству и сліянію племенъ.

При этомъ припомнимъ свойственную вообще славянамъ черту — заводить между собою споры и проч.; всѣ эти несогласія между племенами дѣтописецъ характеризуетъ словами „бысть нестроеніе“. Но пока племена жили медкими общинами, пока они не доразвились до способности создать государственное начало, народная жизнь ни въ чемъ не проявлялась. Съ IX вѣка различныя событія, одно

за другимъ, заставляли племена сближаться, и наконецъ, въ XI вѣкѣ, когда началось сліяніе племенъ, народная жизнь ни въ чемъ не проявлялась. Съ IX вѣка различныя событія, одно

за другимъ, заставляли племена сближаться, и наконецъ, въ XI вѣкѣ, когда началось сліяніе племенъ, народная жизнь ни въ чемъ не проявлялась. Съ IX вѣка различныя событія, одно

ства другимъ возбуждаютъ къ дѣятельности русскія племена: борьба съ варягами, смущеніе на всемъ пространствѣ государственной власти, частое посѣщеніе вѣнскихъ славянъ южными и наоборотъ во время борьбы за власть первыхъ князей, походы въ Грецію, Хазарію, на Кавказъ и проч., наконецъ принятіе христіанской религіи и съ нею вмѣстѣ письменности, однимъ словомъ все эти явленія заставили проснуться русскія племена. Такимъ образомъ произошло возбужденіе въ средѣ русскихъ племенъ къ дѣятельности умственной и государственной; каковое явленіе мы бы назвали *возрожденіемъ* племенъ. Первые поддались этому движенію тѣ племена, которыя находились въ болѣе близкихъ сношеніяхъ съ Греціею: Киевскіе поляне и Ильменскіе Славяне и Полочане. Потомъ выдвигаются на сцену политической жизни: Волынь, Туровъ, Сѣверяне, Смольяне и т. д. Вслѣдствіе такого проявленія народной областной жизни въ нашъ удѣльно-вѣчевой періодъ, мы замѣчаемъ слѣдующія явленія: 1) развитіе и усиленіе вѣча, какъ выразителя народной воли въ дѣлахъ внутреннихъ и внѣшнихъ, 2) борьба городовъ съ пригородами, которая есть отраженіе всеобщаго возрожденія племенъ, 3) борьба земствъ, 4) развитіе системы земель, т. е. племена группируются около своего главнаго центра, великокняжескаго города, при чемъ всякая земля, въ свою очередь, дѣлится на мелкіе удѣлы. Что касается до князей, то въ борьбѣ ихъ мы наблюдаемъ слѣдующіе случаи: 1) борьба князей за родовые и семейные счеты, 2) борьба князей за личныя обиды и неудовольствія, 3) борьба князей за интересы земель, княжествъ, напримѣръ торговые и др., 4) появленіе и борьба за столы князей-изгоевъ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ князья обыкновенно воевали только со своими дружинами, при чемъ земство рѣдко помогало и даже отказывало имъ въ помощи. Вотъ отличительныя черты, на нашъ взглядъ, удѣльно-вѣчевого періода. Для объясненія его, намъ кажется, нужно брать совокупность всѣхъ этихъ чертъ, а не одну какую нибудь, напр. родовыя отношенія князей, и только такой взглядъ можетъ вполне выяснитъ значеніе этого періода.

Къ этому слѣдуетъ прибавить еще одно соображеніе. Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ, когда продолжался нашъ удѣльный періодъ, при разнообразіи и многочисленности племенъ, населявшихъ Русь, различной ихъ степени культуры, интересахъ и т. д., удѣльно-вѣчевой порядокъ имѣлъ свои видоизмѣненія. Укажемъ хотя бы на то, что поколѣнія князей не могли всегда дѣйствовать по одному и тому же принципу, хотя бы по принципу родового начала: одинъ князь могъ имѣть свои взгляды на власть, на свое положеніе, на управляемый имъ удѣлъ и т. д. отличные отъ взглядовъ другого. Съ другой стороны и земли, смотря по условіямъ, въ какія онѣ были поставлены, имѣли различныя понятія и принципы о княжеской и народной власти: въ одномъ городѣ преобладало вѣче, въ другомъ князь и т. д. Все это отразилось и на событіяхъ удѣльнаго періода.

Въ первое время князья въ удѣлахъ были пришлые. Князь со своею дружиною переходилъ изъ города въ городъ, представляя собою только временную военную и судебную власть. Вслѣдствіе частой смѣны князей и ихъ исключительнаго положенія въ странѣ, должна была выступить народная власть для постояннаго завѣдыванія внутренними дѣлами, что и выразилось въ усиленіи значенія вѣча.

Однако, приблизительно съ половины XII вѣка, князья перестаютъ ходить со стола на столъ, но сживаются настолько съ управляемыми ими племенами, что власть княжеская дѣлается наследственной. Еще при жизни князь старается назначить и утвердить себѣ преемника. Такимъ образомъ княжескія линіи утверждаются въ той или другой землѣ, въ своихъ *вотчинахъ*; земли, съ своей сто-

роны, крѣпко держатся одной какой либо княжеской линіи. Съ этого времени интересы князя и его удѣла становятся нераздѣльными. Земли Полоцкихъ и Смоленскихъ Кривичей окончательно выдѣляются въ первой половинѣ XII в. Смоленское княжество выдѣляется съ началомъ правленія Ростислава Мстиславича. Полоцкое княжество, какъ мы видѣли, выдѣлилось еще при Владимірѣ и было, насколько можно судить по лѣтописнымъ извѣстіямъ, довольно самостоятелно. Однако, мы видѣли, что Всеславъ Брячиславичъ почти всю свою жизнь провелъ въ борьбѣ за самостоятельность своей земли, между тѣмъ какъ Кіевскіе князья стремятся подчинить ее. Борьба эта продолжается и послѣ смерти Всеслава, еще съ большимъ ожесточеніемъ. Полоцкая земля раздробляется на удѣлы, но всѣ они продолжаютъ вести борьбу съ Кіевомъ единодушно. Конецъ этой борьбы и полное обособленіе можно считать съ 1137 г. съ возвращеніемъ изъ ссылки Полоцкихъ князей.

VI.

Обращаясь собственно къ возрожденію племенъ, населявшихъ Бѣлоруссію и къ образованію у нихъ государственнаго начала, нужно замѣтить, что оно далеко не одинаково и не въ одно время проявилось у Смольнянъ, Полочаней, Дреговичей, Радимичей, а также и у Изборскихъ Кривичей. Такъ Радимичи воевод не образовали самостоятельнаго княжества, но вошли въ составъ Черниговскихъ владѣній. Изборскіе Кривичи, у которыхъ главными городами были: Изборскъ, Псковъ и Торопецъ, позже другихъ, именно, только въ концѣ XII и началѣ XIII в. образовали независимыя княжества. Ранѣе другихъ выработали государственное начало Полоцкіе Кривичи, о чемъ уже было говорено. За ними выступили Дреговичи съ центральнымъ городомъ Туровомъ и позже ихъ, въ первой половинѣ XII в., Смольняне. До проявленія полной самостоятельности Смоленской земли, т.-е. до начала княженія Ростислава Мстиславича, при которомъ она впервые сдѣлалась самостоятелною, въ Смоленскѣ часто перемѣняются князья. Услѣди за ихъ внутренней дѣятельностью невозможно за отсутствіемъ данныхъ и поэтому чтобы не прерывать разсказа, намъ придется ограничиться сухимъ перечнемъ за это время именъ князей.

Почти тоже приходится сдѣлать и съ Туровскою областью. Получивъ самостоятельнаго князя еще при Владимірѣ Святославичѣ — Святополка, Туровъ нѣкоторое время играетъ видную роль между городами Кіевскаго княженія. Онъ отдается обыкновенно старшимъ, послѣ великаго князя князьямъ слѣдовательно, преемникамъ великокняжескаго стола. Такъ послѣ Святополка какъ Владиміровича, тамъ сидѣлъ старшій сынъ и преемникъ Ярослава — Изяславъ до 1054 г., когда онъ занялъ Кіевскій столъ¹⁾. Послѣ смерти Ярослава Туровъ былъ Пинская область осталась за Изяславомъ. Причина такого важнаго положенія Турова была та, что въ это время главнѣйшимъ и важнѣйшимъ сосѣдомъ Русской была Польша, ближайшее сношеніе съ которой происходило именно черезъ Туровскую область. Сидя въ пограничной области или владѣя ею, князь всегда успѣвалъ заключить союзъ съ Польшей или Венгріей, которыя и сами охотно вступали въ союзъ съ Русскими князьями. Такъ мы видимъ, что Святополкъ получалъ помощь отъ Польши, Изяславъ тоже два раза отправлялся за помощью въ Польшу, сынъ его, великій князь Святополкъ II, въ 1097 г. заключилъ союзъ

1) Ипатская лѣтопись, стр. 114.

Ляхами противъ Давида Игоревича, и воспользовался помощью Венгерскаго короля Коломана. Во время смерти Ярославовой, въ Смоленскѣ мы видимъ впервые самостоятельнаго князя; то былъ Вячеславъ Ярославичъ, родившійся въ 1034 г.). Онъ шлъ женатъ на Одѣ, дочери графа Штадскаго Леопольда и имѣлъ отъ нея сына Бориса³⁾. Однако Вячеславъ вскорѣ умеръ, 23 лѣтъ отъ роду (въ 1057 г.; супруга его Ода уѣхала на родину, взявъ съ собою и Бориса, который выросъ и воспитаннаго въ Саксоніи; онъ явился на Русь только около 1077 г., тогда о немъ упоминаютъ лѣтописи. Въмѣсто Вячеслава на Смоленскій столъ былъ поставленъ, по рѣшенію старшихъ братьевъ, Игорь, княжившій до этого времени во Владимірѣ на Волыни⁴⁾). Время его рожденія неизвѣстно; вообще о немъ мы почти ничего не знаемъ, какъ и о его предшественникѣ на Смоленскомъ столѣ. Можно только догадываться, что онъ былъ женатъ на Кунигундѣ, Орламинской графинѣ, которая послѣ его смерти въ 1060 г. уѣхала въ Германію и тамъ вышла замужъ за какого-то принца⁵⁾.
Послѣ смерти Игоря (1060 г.), три старшіе князя — Кіевскій князь Изяславъ, и братья его Святославъ и Всеволодъ раздѣлили Смоленское княженіе между собою⁶⁾. Кажется, что это дѣленіе нужно понимать только въ смыслѣ раздѣленія доходовъ со страны, но не дѣленія географическаго; по крайней мѣрѣ изъ исторіи этого не доказываетъ, да притомъ вообще у Русскихъ князей не было въ обычаѣ территориальное дѣленіе какого либо племени. Смоленская волость недолго находилась въ неопредѣленномъ положеніи подъ властью удѣльных князей. При Владимірѣ Мономахѣ мы видимъ, что она находилась въ тѣснѣйшей связи съ Переяславскимъ княжествомъ, въ которомъ княжилъ отецъ Мономаха Всеволодъ. Мало того, Туровъ, кажется, тоже на время подпалъ власти Всеволода. Именно, послѣ изгнанія Изяслава изъ Кіева, Святославъ, сдѣлавшись кнѣземъ, оставилъ за собою Черниговъ. Несомнѣнно, онъ долженъ былъ вознаградить какъ нибудь брата своего Всеволода; ему, по всей вѣроятности, и осталось Туровское княженіе. Такъ Владиміръ Всеволодовичъ ходилъ воевать на Туровскую волость съ ляхами и, перезимовавъ въ Туровѣ на весну, ходилъ съ отцу въ Переяславль, оттуда снова въ Туровъ⁷⁾. Когда умеръ Святославъ, князь Кіевскій, Всеволодъ помирился съ старшимъ братомъ, изгнанникомъ Изяславомъ, и перевелъ сына своего Владиміра изъ Турова, какъ владѣнія Изяслава, на прежній столъ въ Смоленскъ (въ 1077 г.)⁸⁾. Туровъ, вѣроятно, остался за Изяславомъ, для котораго онъ былъ важенъ какъ прямой путь для сношеній съ Польшею. Взамѣнъ Турова, Всеволодъ получилъ Черниговъ, причемъ братья Святославичи, Олегъ и Давидъ, объявлены были изгоями и лишены отцовскаго стола. Такой же участи подвергся и сынъ Вячеслава Смоленскаго Борисъ, появившійся около этого времени на Руси. Молодые изгои не думали уступить своего права на управленіе русскими городами. Они явились съ многочисленнымъ войскомъ степняковъ и въ 1078 г. заняли Черниговскую волость. Однако, въ томъ же году, соединенныя ополченія стар-

1) Ипатская лѣтопись, стр. 105, 113, 114.

2) Карамзинъ, Ист. Гос. Р., т. II, стр. 38.

3) Ипатская лѣтопись, стр. 114.

4) Ibidem.

5) Тьер. (П. С. Р. Л. т. XV), стр. 153.

6) Лаврентьевская лѣтопись, стр. 238, 236.

7) Никоновская лѣтопись, стр. 107.

шихъ князей разбили подъ Черниговомъ Изгоевъ, причемъ былъ убитъ Бордъ Вячеславичъ и великій князь Изяславъ. Всеволодъ занялъ Кіевскій столъ, вслѣдствіе чего произошла новая смѣна князей въ удѣлахъ. Ярополку, младшему сыну Изяслава, отдано было Туровское владѣніе, но только въ *придачу* къ Волыни.

Владиміръ Мономахъ перешелъ изъ Смоленска въ Черниговъ. Такимъ образомъ Мономахъ занималъ два стола: по крайней мѣрѣ извѣстно, что, когда Всеславъ Полоцкій напалъ на Смоленскъ, Владиміръ погнался за нимъ съ Черниговцами. Отсюда можно заключить, что Владиміръ не переставалъ быть Смоленскимъ княземъ, на что сохранилось указаніе въ одномъ позднѣйшемъ источникѣ²⁾.

Туровъ при Всеволодѣ потерялъ свое значеніе. Этотъ князь не имѣлъ связей Западомъ подобно Изяславу, и потому Туровъ не былъ для него важенъ. Онъ отдалъ его Ярополку, съ которымъ былъ, повидимому, въ первое время весьма друженъ. Такъ Ярополкъ однажды провелъ у него Пасху. Мало того, когда онъ былъ выгнанъ племянниками своими Ростиславичами изъ удѣла, Всеволодъ немедленно помогъ племяннику Ярополку, пославъ съ войсками сына своего Владиміра, который и возстановилъ его на прежнемъ столѣ³⁾. Однако соглашеніе это продолжалось очень недолго. Ярополкъ вздумалъ возстать противъ дяди, между ними произошли, вѣроятно, какія-то недоразумѣнія, о которыхъ летопись умалчиваетъ; она объясняетъ дѣло тѣмъ, что Ярополкъ послушался злыхъ совѣтниковъ⁴⁾. Владиміръ Мономахъ, посланный Всеволодомъ, занялъ Владиміръ Галицкій и плѣнилъ мать и жену Ярополка, бѣжавшаго при одномъ приближеніи противниковъ въ Польшу. Однако онъ скоро помирился съ великимъ княземъ и опять занялъ свой столъ. Черезъ нѣсколько времени, когда онъ былъ на пути въ Звенигородъ, его убилъ какой-то Нерядецъ. Причина убійства неизвѣстна, но убійца бѣжалъ къ Рюрику Ростиславичу, чѣмъ и навлекъ сильное подозрѣніе на послѣдняго (1087 г.)⁵⁾.

Въ слѣдующемъ году, послѣ смерти Ярополка, братъ его Святополкъ, княжившій до этого времени въ Новгородѣ, перешелъ на Туровское княженіе. Къ этому побудило его, вѣроятно, желаніе быть поближе къ Кіевскому столу, такъ какъ онъ оставался старѣйшимъ въ княжескомъ родѣ. Къ такому переходу побуждала его еще, можетъ быть, и та причина, что онъ, занимая отцовское мѣсто, могъ возобновить старыя отцовскія связи съ Польшей и Венгріей; въ слѣдствіи онъ, какъ извѣстно, пользовался содѣйствіемъ той и другой. Притомъ же Новгородцы вообще не любили этого жаднаго князя и въ слѣдствіи они разились, что если бы сынъ Святополка, котораго хотѣли тамъ посадить у нихъ, былъ бы даже о двухъ головахъ, то и тогда они не пожелали бы принять его. Въ 1093 г. Святополкъ, послѣ смерти Всеволода, перешелъ на Кіевское княженіе, оставивъ за собою Туровъ. — Спустя немного времени, именно въ 1095 г. Давидъ Святославичъ окончательно утвердился въ Смоленскѣ, гдѣ онъ прожилъ

1) Ипатская летопись стр. 143; Воскр. (П. С. Р. Л. т. VII), стр. 3.

2) Воскресенская летопись, (П. С. Р. Л. т. VII), стр. 3.

3) Ипатская летопись, стр. 144.

4) Пространнѣе объ этомъ говоритъ Стрыйковскій. Одинъ приближенный Всеволода посовѣтовалъ слѣдному послать на Ярополка сына своего Владиміра (вѣроятно вслѣдствіе какого нибудь недоразумѣнія или подозрѣнія). Тотъ же совѣтникъ убѣждаетъ Ярополка бѣжать въ Польшу, говоря: «ты не доверяйся своимъ совѣтникамъ и войску, но бѣги въ Польшу поскорѣе, какъ сдѣлалъ отецъ твой Изяславъ» (стр. 171—172). Если это такъ — то, очевидно, здѣсь кроется какаго-то интрига, какія частенько бывали въ тѣ времена.

5) Ипатская летопись, стр. 144, 145.

6) Ипатская летопись, стр. 145.

борьба до Любечскаго съѣзда (1097 г.)¹⁾. Послѣ этого съѣзда, на которомъ было решено, чтобы каждый князь владѣлъ отцовскимъ удѣломъ, Давидъ Святославичъ и братья его заняли Черниговъ, Муромъ и Ростовъ, а Владимиръ утвердился снова въ Смоленскѣ²⁾ и Переяславлѣ. Однако въ Смоленскѣ, спустя немного времени, мы видимъ сына Мономахова Святослава. Объ этомъ князѣ мы знаемъ изъ летописей. Известно, что въ молодости своей онъ былъ заложникомъ у одного изъ Половецкихъ хановъ и разъ ходилъ въ походъ на Половцевъ (1107 г.) въ Смоленскомъ столѣ онъ былъ до вокняженія отца своего Владимира въ Киевъ (1113 г.), когда былъ переведенъ въ Переяславль, гдѣ и умеръ въ слѣдующемъ году (1114)³⁾. Когда Владимиръ Всеволодовичъ утвердился на великокняжескомъ престолѣ, произошла новая смѣна князей: въ Смоленскѣ началъ княжить сынъ его Вячеславъ⁴⁾. Такой порядокъ вещей продолжался, кажется, до самой смерти (1125 г.) Владимира. По крайней мѣрѣ, мы узнаемъ, что только въ 1128 году, т.-е. послѣ княженія Мстислава Владиміровича, Вячеславъ уже княжилъ въ Туровѣ, а в Ростиславъ Мстиславичъ — въ Смоленскѣ.

Послѣ княженія Святополка II Изяславича, значеніе Турова окончательно начинаетъ падать. Причина этому была можетъ та, что сношенія съ поляками и венграми ослабѣваютъ. Польша потеряла свое могущество, пріобрѣтенное при Болеславе Кривоустаго (1102—1139); онъ ослабилъ ее совершенно, разбивъ на удѣлы. Мелкіе удѣльные князья, занятые своими домашними счетами, не могли предоставить для русскихъ князей надежныхъ союзниковъ. При томъ интересъ Руси съ Владимира Мономаха до конца XII вѣка переносится къ Киеву и на правый берегъ Днѣпра. Русь употребляла всѣ усилія для борьбы съ кочевыми ордами Половцевъ. Между ними же князья находили верныхъ союзниковъ и наемниковъ. Вслѣдствіе такого положенія вещей, Турово-Пинская область хотя пріобрѣтаетъ при Вячеславѣ Владиміровичѣ полную независимость отъ Киевскаго князя, но теряетъ свое значеніе и нисходитъ на степень мелкаго удѣла. При томъ она дробится на нѣсколько княжествъ. Уже въ 1128 г. мы знаемъ отдѣльнаго Клецкаго князя Вячеслава и Городенскаго Всеволодка. Но несомнѣнно, что удѣловъ было гораздо больше: оставались еще потомки Изяслава Ярославича: Изяславъ, Брячиславъ и Юрій, которыхъ удѣлы, хотя неизвѣстны въ точности, но были гдѣ-то въ бассейнѣ Припяти. Такимъ образомъ мы видимъ, что до смерти Мономаха, Туровъ и все При-Припятье почти исключительно находились во власти старшей линіи Ярославичей — потомковъ Изяслава.

VII.

Всецлавъ Брячиславичъ Полоцкій оставилъ послѣ себя шестерыхъ сыновей: Рогволода (Ипатская лѣтопись, стр. 211, 218), Давида, Бориса (Новгородская лѣт., стр. 124, Ипатская лѣтопись, стр. 211), Ростислава (Ипатская лѣтопись, стр. 218), Глѣба и Романа (Ипатская лѣт., стр. 204). Своими завоеваніями Всецлавъ значительно расширилъ свои владѣнія; но послѣ его смерти сила и значеніе Полоцкаго княжества быстро падаютъ. Причина такого паденія — раздѣ-

1) Ипатская лѣтопись, стр. 160, 161, 164; Новгородская лѣтопись I, стр. 118; Воскресенская лѣтопись, стр. 8; Никоновская лѣтопись, стр. 124, 125, 127.

2) Ипатская лѣтопись, стр. 181.

3) Ипатская лѣтопись, стр. 199.

4) Ипатская лѣтопись, стр. 198.

леніе княжества на удѣлы. Неизвѣстно, какому изъ сыновей Всеславовыхъ стался тотъ или другой удѣлъ, а также и какіе именно были удѣлы. Мы только замѣтимъ, что въ Полоцкѣ сѣлъ Давидъ ¹⁾, въ Минскѣ — Глѣбъ ²⁾, въ Иадславлѣ — Брчиславъ ³⁾. Самыми важными удѣлами были Минскъ и Полоцкъ. О границахъ послѣднаго мы ничего не знаемъ; къ Минску же принадлежали два рода: Орша, Копысь (нынѣ у. г. Могил. губ.) и Друцкъ (нынѣ село на рѣ. Друти Могил. губ.) ⁴⁾. О другихъ удѣлахъ, а также и князьяхъ ихъ мы знаемъ весьма немного.

Главный удѣлъ Полоцкой земли — Полоцкъ, въ которомъ княжилъ Давидъ Всеславичъ, находился въ тѣсномъ союзѣ съ остальной Русью. Такъ этотъ Полоцкій князь ходилъ вмѣстѣ со всѣми князьями въ 1103 году на Половцевъ. Онъ не отказался отъ союза съ Кіевскими князьями и тогда, когда ему пришлось идти на роднаго брата въ Минскъ ⁵⁾.

Безпокойный Глѣбъ Минскій началъ дѣлать нападеныя на сосѣднія области на Дреговичей и на Смольнянъ, которыя тогда находились подъ властью Святополка Кіевского. Послѣдній, чтобъ наказать неугомоннаго сосѣда, отправилъ въ 1104 году на Минскъ воеводу Путяту; къ кіевскому ополченію присоединились: смоленское подъ начальствомъ сына Владиміра Мономаха, Ярополка, Ольгу Святославичъ и братъ Глѣба, Давидъ. Но соединенное войско возвратилось въ Минской области безъ успѣха ⁶⁾. Между тѣмъ Глѣбъ не унимался; онъ продолжалъ грабить сосѣднія земли, уводить въ плѣнъ жителей, жечь города и селенія.

Въ 1116 году Глѣбъ напалъ на землю Дреговичей, сильно опустошилъ сѣверныя окраины и сжегъ Слуцкъ. Владиміръ грозилъ ему, но онъ не обращалъ вниманія на угрозы и самъ укорялъ великаго князя. Тогда Мономахъ рѣшилъ покончить съ беспокойнымъ сосѣдомъ. Онъ самъ съ войскомъ отправился на Минскъ, взявъ съ собою своихъ сыновей: Давида Святославича и Ольговича. Нападеныя были сдѣланы съ разныхъ сторонъ. Князь Смоленскій Вячеславъ Владиміровичъ взялъ Оршу и Копысь, города, сосѣдніе съ Смоленской волостью. Давидъ и Ярополкъ, сыны Владиміровы, взяли и отдали на „щитъ“, т. е. на разграбленіе Друцкъ. На главный городъ княжества Минскъ, гдѣ находился и виновникъ похода Глѣбъ, отправился Владиміръ самъ. Глѣбъ затворился въ городѣ. Не надѣясь взять скоро приступомъ городъ, Кіевскій князь твердо рѣшилъ принудить его къ сдачѣ голодомъ. Съ этой цѣлью онъ началъ строить себѣ извъны лагерь. Глѣбъ увидѣвъ, что Владиміръ думаетъ во чтобы то ни стало взять городъ, началъ съ нимъ переговоры о мирѣ. Владиміръ, какъ выражается летописецъ, сжалился, что проливается кровь христіанская во дни великаго поста и принялъ мирныя условія. Глѣбъ вышелъ изъ города съ дѣтьми и дружиною, поклонился великому князю, условился о мирѣ, обѣщаясь во всемъ быть послушнымъ Мономаху. Сдѣлавъ свои распоряженія, прочитавъ наставленія Глѣбу, Владиміръ отдалъ ему обратно Минскъ, а самъ возвратился въ свою область ⁷⁾.

Однако, хотя и не упоминается, въ чемъ состоялъ мирный договоръ между

¹⁾ Ипатская летопись, стр. 183, 211, 218; Лаврентьевская летопись, стр. 210.

²⁾ Ипатская летопись, стр. 185; Лаврентьевская летопись, стр. 270 и др.

³⁾ Ипатская летопись, стр. 210.

⁴⁾ Это очевидно изъ похода 1116 г., — см. Ипатскую летопись стр. 203.

⁵⁾ Ипатская летопись, стр. 183.

⁶⁾ Ипатская летопись, стр. 185.

⁷⁾ Ипатская летопись, стр. 185.

⁸⁾ Ипатская летопись, стр. 203.

хъ Киевскимъ и Минскимъ князьями, но изъ послѣдующихъ извѣстій можно заключить, что Полоцкіе города Орша и Копысь съ этого времени навсегда остались прилежащими Смоленской волости ¹⁾. Кромѣ того сильно пострадали Дручане: жители этого города были взяты въ плѣнъ Ярополкомъ и отведены въ Переяславскую волость, гдѣ имъ построень былъ городъ Желди.

Впрочемъ, Глѣбъ недолго соблюдалъ миръ. Около 1119 г. Владиміръ снова пошелъ къ Минску и на этотъ разъ взялъ городъ, плѣнилъ Глѣба и привелъ его въ Киевъ, гдѣ онъ и умеръ въ томъ же году. Минское княжество осталось въ владѣніи Мономаха и его сыновей ²⁾.

Некоторое время во владѣніи Мономаха, какъ кажется, отдалъ его внуку своему, Завладѣвъ Минскомъ, Мономахъ, какъ кажется, отдалъ его внуку своему, Изяславу ³⁾.

Послѣ смерти Мономаха, въ княженіе въ Киевѣ сына его Мстислава, между Полоцкими князьями и остальною Русью возгорѣлась новая война. На этотъ разъ походъ былъ направленъ противъ всѣхъ князей Полоцкихъ и въ особенности противъ прежняго союзника и родственника Мономаховичей — Давида Всеславича Полоцкаго. Причины этого похода неизвѣстны, хотя изъ послѣдующихъ событій можно догадываться, что Давидъ Всеславичъ отказался отъ участія въ общерусскихъ дѣлахъ — въ походахъ на Половцевъ, и, вѣроятно, не призналъ великокняжеской власти Мстислава. Какъ бы то ни было, но въ 1127 году великій князь собралъ почти всю Русь въ походъ на Полоцкъ. Замѣчательно, что какъ этотъ, такъ и другіе походы на Полоцкъ, отличаются тѣмъ, что на нихъ собираются почти всѣ князья, охотнѣе чѣмъ на Половцевъ. Къ сожалѣнію невозможно, по недостатку данныхъ, выяснить это замѣчательное явленіе.

Въ настоящій походъ князья отправились не всѣ вмѣстѣ, но по частямъ, на разные города Кривичской земли. Такъ на Изяслава отправилось 4 князя: Вячеславъ изъ Турова, Андрей изъ Владиміра (Волинскаго), Всеволодко изъ Городна (нынѣ м. Городно Пинскаго у., Минской губ.), Вячеславъ Ярославичъ изъ г. Клецка (м. Минской губ.). Всеволодь Ольговичъ, князь Черниговскій, съ братьями отправился по направленію на Стрѣжевъ (озеро и село съ развалинами укрѣпленій въ Лепельск. у., Витебской губ.) къ гор. Борисову.

Сынъ великаго князя Изяславъ Курскій и воевода Иванъ Войтешичъ съ ополченемъ Торковъ направились на Логожскъ (м. Логойскъ Минской губ.). Ростиславъ Смоленскій, другой сынъ Мстислава, направился на Друцкъ. Всѣмъ этимъ князьямъ дано было приказаніе напасть одновременно на назначенные пункты, именно 4-го августа. Но Изяславъ напалъ на Логожскъ днемъ раньше, взявъ городъ и полонилъ жителей. Тутъ онъ простоялъ два дня, взявъ случайно въ плѣнъ Брячислава, Изяславльскаго князя, и войска Логожанъ, которыхъ онъ велъ на помощь отцу. Этотъ князь, отправившись въ походъ къ отцу, сбился съ пути, перепугался и попалъ прямо въ руки Изяславу. Этотъ послѣдній, взявъ добычу плѣнныхъ Логожанъ и Брячислава, отправился къ Вячеславу Владиміровичу, который въ это время осаждалъ сильно сопротивлявшійся Изяславль. Жители этого города, увидя, что князь ихъ Брячиславъ и Логожане находятся въ лагерѣ противниковъ, и что имъ не причиняютъ никакихъ обидъ, рѣшились и сами сдаться. Но предварительно потребовали отъ Вячеслава клятвы, что городъ ихъ не будетъ отданъ на разграбленіе. Вячеславъ далъ, но не могъ сдержать. Вечеромъ, чтобы

1) Грамота Ростислава Мстиславича (Хр. Владимірскаго-Буданова, вып. I).

2) Ипатская лѣтопись, стр. 205.

3) Лѣтопись Давидовича, стр. 122.

воины не замѣтили и не ворвались самовольно въ городъ, туда вошли только воеводы Воротислава и князя Андрея, и тысяцкій Вячеслава Иванко съ небольшимъ числомъ отроковъ. Когда же на разсвѣтѣ войско увидѣло, что городъ сдался, оно насильно ворвалось туда и предалось разграбленію; воеводы едва могли спасти имущество жены Брячиславовой, дочери Мстислава. Въ то же время выступилъ противъ Полочанъ и Новгородское ополченіе; во главѣ съ княземъ Всеволодомъ Мстиславичемъ оно направилось къ Неклочу. Когда Полочане увидѣли, что невозможно бороться съ цѣлою Русью, то рѣшили на вѣчѣ выгнать виновника несчастій Давида, а на его мѣсто призвали брата его Рогволода. Съ такимъ рѣшеніемъ они отправились къ Мстиславу, который согласился съ рѣшеніемъ Полоцкаго вѣча, заключилъ миръ и отправился въ Кіевъ¹⁾. Но Полоцкіе князья не думали считать для себя обязательнымъ исполненіе мирнаго договора. Когда Мстиславъ прислалъ звать ихъ въ походъ на Половцѣвъ, они не только не повиновались, но отправили пословъ съ насмѣшкою. Мстиславъ хотѣлъ сейчасъ же иказать непокорныхъ, но его задержала война на югѣ. Окончивъ ее, онъ отправился на сѣверъ, плѣнилъ всѣхъ Полоцкихъ князей: Рогволодовичей Василія и Ивана (самого Рогволода уже, очевидно, не было въ живыхъ) и Всеславичей Святослава, Давида и Ростислава. Одинъ изъ Всеславичей Борисъ умеръ до изгнанія въ 1129 году, а другой Романъ — въ 1114 году²⁾. Всѣхъ ихъ онъ привезъ въ Кіевъ и отсюда отправилъ на 3-хъ ладьяхъ въ Грецію, гдѣ всѣ эти князья были хорошо приняты Императоромъ и поступили къ нему на службу³⁾.

Полоцкъ получилъ во владѣніе Изяславъ Мстиславичъ. Впрочемъ, Полоцкіе Изяславичи вскорѣ появляются въ своихъ родныхъ вотчинныхъ земляхъ, именно въ 1132 году появляется въ Полоцкѣ Василько Святославичъ, внукъ Всеслава. Когда послѣ смерти Мстислава, Изяславъ изъ Полоцка перешелъ въ Переяславль, оставивъ вмѣсто себя Святополка, брата своего, Полочане воспользовались случаемъ для освобожденія себя отъ зависимости чуждой имъ княжеской линіи: они изгнали Святополка и посадили на столъ Василька Святославича⁴⁾.

Этотъ князь, очевидно, успѣлъ уже вернуться изъ изгнанія или же, быть можетъ, вовсе не былъ отправленъ съ отцомъ въ изгнаніе, какъ малолѣтній. Въ 1140 г. вернулись и еще двое изъ князей (именъ не упоминается)⁵⁾ изъ Царьграда; возвратились ли или нѣтъ остальные князья, — неизвѣстно. Съ возвращеніемъ Полоцкихъ князей, земля ихъ, въ полномъ составѣ (кромѣ Орши и Копыса) была освобождена отъ власти Кіевскихъ князей. Возстановленіе прежняго порядка въ Полоцкѣ совершилось, очевидно, съ согласія остальныхъ русскихъ князей; прибывшіе князья живутъ мирно и въ союзѣ съ остальными князьями, и Мономаховичами, и Ольговичами Сѣверскими⁶⁾.

Такимъ образомъ, возстановился прежній порядокъ въ Полоцкой землѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ окончилась вѣковая борьба съ Кіевомъ за самостоятельность

1) Ипатская лѣтопись, стр. 210—211; Лаврентьевская лѣтопись, стр. 282—283.

2) Ипатская лѣтопись, стр. 211;— Воскресенская лѣтопись, стр. 23.

3) Ипатская лѣтопись, стр. 211, 217, 218.

4) См. Лаврентьевскую лѣтопись, стр. 286; Тверская лѣтопись, стр. 197; Никоновская лѣтопись, стр. 157.

5) Ипатская лѣтопись, стр. 217.

6) Всеволодъ взялъ за сына своего Святослава дочь Василька, Изяславъ отдалъ дочь свою за Бориса Рогволодовича. Ипатская лѣтопись, стр. 224.

Мы разсмотрѣли начальную эпоху исторіи Смоленскаго, Туровскаго и Полоцкаго княжествъ. Въ ней замѣтны два различныя теченія: стремленіе первыхъ князей еще централизовать русскія земли въ своей власти, и затѣмъ, когда Русь достаточно сплотилась, — движеніе обратное первому, — децентрализация земель подъ властью Киевскаго князя мы почти не знаемъ; однако, насколько можно судить по отрывочнымъ извѣстіямъ, это соединеніе не всегда происходило мирнымъ путемъ, на что указываетъ борьба Владиміра св. съ Полоцкомъ, съ Радимичами и пр., хотя большинство племенъ, неуспѣвшія создать у себя прочнаго государственнаго устройства, подъ влияніемъ вѣдшихъ обстоятельствъ, подчинились добровольно. Затѣмъ начинается теченіе обратное въ исторіи Руси — стремленіе отдѣльных географическихъ группъ къ децентрализаціи, къ установленію у себя самостоятельнаго государственнаго устройства. Туровское княжество не успѣло обособиться до довольно поздняго времени; Смоленская земля выдѣлилась постепенно, въ борьбѣ съ Киевомъ: со времени княженія Ростислава Мстиславича, она влѣтъ въполнѣ самостоятельной землей съ отдѣльной своей линіей Ростиславичей. Напротивъ, Полоцкая земля выдержала вѣковую борьбу съ Киевомъ изъ-за самостоятельности.

М. Запольскій.

Оттискъ изъ „Календаря Сѣверо-Западнаго Края“ на 1890 годъ.
с. 16-36.

1901
Ayrault

1901

1901

80000000 183 1 10